

УДК 398.2

DOI 10.25587/s9544-8336-9686-c

Н. А. Хуббитдинова, Г. В. Юлдыбаева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЭПОСЕ И ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Выявление и изучение фольклорных традиций в литературе является актуальной проблемой в филологической науке. Установление их художественно-эстетической функциональности фольклорной эстетики, как в произведении устного народного творчества, эпического, в частности, так и литературного, усиливает значимость данного вопроса. Однако в исследованиях, посвященных лишь выявлению и установлению традиционных образов, мотивов, сюжетов, а также обрядов и обычаев, включенных как в ткань эпического памятника, так и в сюжет литературного романа или повести, мало обращается внимания именно их художественная функциональность в произведениях. В этом заключается новизна исследования, проводимого в данной статье.

Цель статьи заключается в выявлении отдельных фольклорных тематических мотивов, образов, в прослеживании особенностей их использования в эпосе и литературном творчестве.

Материалом исследования послужили башкирский эпос, литературные произведения отдельных писателей, в которых ярче всего выражена художественно-эстетическая значимость фольклорных традиций. В частности, на примере башкирских эпосов «Урал-батыр», «Акхак-Кола» предпринята попытка раскрыть и проанализировать отражение фольклорных, этнопедагогических традиций в национальной литературе, в которых традиции, как в узком, так и в широком их понимании находили художественно-эстетическое, идейно-тематическое отражение.

Методами исследования избраны текстологический, аналитический, сравнительно-сопоставительный способы анализа с применением к нему системного, комплексного подходов, что позволит расширить и углубить знания о природе эпосотворчества, литературного произведения, в котором своеобразно использовались фольклорные традиции, как средство его художественного обогащения.

Авторы статьи приходят к выводу, что веками сложенные и сохранившиеся в народном устно-поэтическом творчестве художественные традиции эпоса – кубайра, отшлифовывались, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, что также являлось традицией, обычаем в повествовательном творчестве. В них общечеловеческие, гуманистические, нравственно-этические принципы переплетались с дидактическим, поучительным началом, заветом и мудростью древних, что также было традицией. Как средневековая башкирская поэзия, так и современная проза часто включает в свое эпическое полотно мифологическое воззрение народа, его верования и сакральные знания. Литературное же произведение, являясь плодом

ХУББИТДИНОВА Нэркэс Ахметовна – д. филол. н., г. н. с. отдела литературоведения, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: narkas08@mail.ru

KHUBBITDINOVA Nerkes Akhmetovna – Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher of the Literary Studies Department, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia.

E-mail: narkas08@mail.ru

ЮЛДЫБАЕВА Гульнар Вилдановна – к. филол. н., в. н. с. отдела фольклористики, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: nargul1976@list.ru

YULDYBAEVA Gulnar Vildanovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Folklore Department, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia.

E-mail: nargul1976@list.ru

индивидуального творчества, часто обращается к фольклорным традициям, которые художественно трансформируются, наделяются своеобразной художественно-эстетической функциональностью.

Ключевые слова: эпос, фольклор, литература, традиции, художественно-эстетические функции, сюжеты, мотивы, идеи, роман, авторское произведение.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Заятуляк и Хыухылу”)».

N. A. Khubbitdinova, G. V. Yuldybaeva

Artistic and aesthetic reflection of the traditions of oral people's creativity in epic and literary works

Abstract. The identification and study of folk traditions in literary work is an urgent issue in philological science. The establishment of their artistic and aesthetic functionality, both in the work of folklore, epic, in particular, and literary, enhances the significance of this issue, as evidenced by the works and studies of a number of scholars devoted to it (M. K. Azadovsky, V. G. Bazanov, V. V. Blazhes, etc.). However, in studies devoted only to the identification and establishment of traditional images, motifs, plots, as well as rituals and customs included both in the fabric of an epic monument and in the plot of a literary novel or story, little attention is paid (or even avoided) precisely to their artistic functionality in the works. This is the novelty of the study conducted in this article.

Without claiming a comprehensive coverage of all traditional art forms, ancient rites and customs, the purpose of the article was to identify individual folklore thematic motifs (possibly key), images, to trace the features of their use in epics and literary creation. The task was to establish the artistic and aesthetic reflection of folk traditions, as well as ethnopedagogical customs, instructive traditions in the folk epic and national literature.

The materials of the study were the Bashkir epic, literary works of individual writers, in which the artistic and aesthetic significance of folk traditions is most clearly expressed. In particular, on the example of the Bashkir epics *Ural-Batyr*, *Akhak-Kola*, an attempt was made to disclose and analyze the reflection of folklore, ethnopedagogical traditions in national literature, in which traditions, both in a narrow and broad sense, found an artistic and aesthetic, ideological and thematic reflection.

As the research methods, we selected textual, analytical, comparative contrasting methods of analysis using a systematic, integrated approach to it, which will expand and deepen knowledge about the nature of epic creation, a literary work in which folk traditions were originally used as a means of artistic enrichment.

The authors of the article come to the conclusion that for centuries, the artistic traditions of the epic – kubair, compiled and preserved in folklore and poetic art, were polished, passed from mouth to mouth, from generation to generation, which was also a tradition, a tradition in narrative creativity. In them, universal, humanistic, moral and ethical principles were intertwined with the didactic, instructive beginning, covenant and wisdom of the ancients, which was also a tradition. Both medieval Bashkir poetry and modern prose often include in their epic canvas the mythological view of the people, their beliefs and sacred knowledge. Thus, in the latter, the image of a wolf occupies a special status, being a sacred, totem animal of many Turkic peoples, including Bashkirs. A literary work, being the fruit of individual creativity, often refers to folk traditions that are artistically transformed, endowed with a kind of artistic and aesthetic functionality.

Keywords: epic, folklore, literature, traditions, artistic and aesthetic functions, plots, motifs, ideas, novel, author's work.

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Federal Property Fund in the framework of project No. 19-412-020008 “The archaic epic of the Bashkir people: artistic and stylistic aspect (epics *Ural-Batyr*, *Akbuzat*, *Zayatulyak and Khuykhylyu*)”.

Введение

Литература, основываясь на фольклоре, на протяжении всего своего развития обращалась и продолжает обращаться к традициям устно-поэтического творчества. Основными художественными элементами, часто встречающимися в литературном произведении, являются сказочные, мифические или эпические сюжеты, мотивы, образы. Основные идеи этнопедагогики, мировоззрение народа, его верования также находят свое отражение в литературном произведении. Эти и другие фольклорные традиции выступают в литературе своеобразным художественно-эстетическим элементом и выполняют важные идейно-художественные функции.

Проблема выявления и изучения эпических традиций, изучение их отражения в литературе была и остается актуальной и сегодня. В разные годы обращались ученые и исследователи, которые напрямую или косвенно в отдельных параграфах монографических работ, статьях затрагивали ее (М. К. Азадовский, В. Г. Базанов, В. В. Блажес, А. Н. Веселовский, У. Б. Далгат, Л. И. Емельянов, А. И. Лазарев, Д. Н. Медриш, Е. М. Мелетинский, В. В. Митрофанов, О. А. Нурмагамбетова, А. А. Потеня, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Б. Л. Рифтин, Е. В. Чистов, К. А. Ахмедьянов, С. А. Галин, М. Х. Идельбаев, А. Н. Киреев (Кирей Мэргэн), Г. С. Кунафин, М. Г. Рахимкулов, С. Г. Сафуанов, А. М. Сулейманов, А. И. Харисов, Г. Б. Хусаинов и др.). В них наблюдения ведутся односторонне, в основном речь идет о выявлении традиционных, мифологических образов, мотивов, сюжетов, а также обрядов и обычаев, как в эпических памятниках разных народов, так и включенных сюжетную ткань авторских романов или повестей. Однако в них либо мало, либо вовсе не обращается внимания изучению их художественных особенностей, не раскрывается их функциональность в произведениях. Применение же системного и комплексного подходов в изучение этого вопроса во многом позволит поэтапному достижению и решению преследуемых целей и задач, а именно позволяет не только выявить эти мифологические, сказочные, эпикоархаические художественные формы, но и установить семантику, природу использованных сказителем или автором этих традиций, как в эпосе, так и в литературе.

Изучение художественной репрезентации этих традиций в литературном творчестве с выявлением традиционного мотивного ряда, сюжетов и образов, установлением их функциональности в авторском произведении усиливает значимость исследования. Потому что, как писал Б. В. Томашевский, ограничение лишь выявлением наличия в литературном творчестве каких-то традиционных художественных элементов или схожести (параллелей), а также интертекстуальности являются «сырым материалом» без уяснения их особенностей, характера, функции. Это будет представлять собой «литературное коллекционирование» [1, с. 81-82]. Это во многом подтверждается тем, что народное эпическое творчество, прежде всего, опирается на художественно-эстетическое изображение исторических событий из жизни рода, их обычаев, традиций, предрассудки и суеверия. В эпосе поэтически выражены смелость и удаль батыров – народных героев, воспета девственная красота и неповторимость природы родного края. Героическое начало в эпосе переплетается с народной мудростью, моралью, красноречивым языком, богатым внутренним миром и философичностью ума. Эти особенности находят в литературном произведении как своеобразные, самобытные художественные детали, инструменты, которые помогают в раскрытии его значимых идейно-художественных, идейно-тематических особенностей. Другими словами, выполняют важные художественно-эстетические функции. Выявление этих фольклорных традиций, как в эпосе, так и в литературном произведении является целью данной статьи. Задачи исследования – установление художественно-эстетического отражения фольклорных традиций, а также этнопедагогических обычаев, поучительных традиций в народном эпосе и национальной литературе.

Материалами исследования является эпос, который, как и любой другой жанр фольклора, передавался из уст в уста, обрастал вариантами, выходя за пределы родного Иля – страны, рода, наращивался версиями. В особенности на примере башкирских эпосов «Урал-батыр», «Акхак-Кола» предпринята попытка раскрыть и проанализировать отражение фольклорных, этнопедагогических традиций в национальной литературе, в которых традиции, как в узком, так и в широком их понимании находили художественно-эстетическое, идейно-тематическое отражение. Выбор данных произведений обусловлен тем, что, во-первых, эпос «Урал-батыр» является одним из архаических эпических памятников башкирского народа и в нем сфокусированы не только древние мифологические художественные формы и элементы, но и отражены сакральные обряды и обычаи. Во-вторых, один из образцов животного эпоса «Акхак-Кола» на сегодняшний день не подвергался достаточно подробному и всестороннему изучению башкирскими учеными. Есть некоторые наблюдения М. М. Сагитова, А. И. Киреева, Р. А. Султангареевой, однако в их работах (отдельных статьях и выступлениях) еще не раскрыта вся художественно-эстетическая, идейно-тематическая составляющая данного эпоса. Попытка рассмотреть данное произведение в данной статье в свете поставленной проблемы позволит пополнить знания о нем и положит начало его всестороннего изучения.

Литературное же творчество, основываясь на фольклорных традициях, художественно перенимает либо их сюжет, композиционные особенности, мотивы, либо отдельные образы или систему образов, их стилевое, поэтическое своеобразие, и рождает литературное произведение в одном единственном и окончательном варианте. Материалами исследования литературного произведения в данном ключе являются «Кисса-и Йусуф» (1212) Кул-Гали, а также произведения современных авторов. Выбор средневековой поэмы был обусловлен тем, что именно в ней ярче всего отражен традиционный, сюжетобразующий мотивный ряд, выявление и описание которого является неким иллюстративным материалом в данном исследовании, представленном в статье. Конечно, те или иные фольклорные традиции находили свое идейно-художественное отражение в башкирской литературе и в последующих веках, о чем свидетельствует трилогия Г. М. Якуповой «Женщины», роман Т. Х. Гариповой «Буренушка», что говорит о сохранности традиций художественного использования фольклора в современной литературе. Так, если в поэме «Кисса-и Йусуф» (1212) средневекового башкирского поэта Кул-Гали можно встретить художественное применение сюжетобразующего мотива сна, точнее, вещего сна, который вызывает устойчивую реминисценцию на фольклорный мотив сновидения, то в романах Т. Х. Гариповой «Буренушка» (2009), Г. М. Якуповой «Женщины» (2013) находим изображение образа тотемного животного волка, а также ряда обрядов и обычаев башкирского народа.

Фольклорные традиции в эпосе: художественно-эстетические особенности

Эпос, являясь плодом коллективного творчества, складывался, исполнялся, отшлифовывался на протяжении эпох многими поколениями, передаваясь из уст в уста, из рода в род. Следовательно, он не имеет своего определенного творца – им является народ. По мнению А. Н. Веселовского, лиро-эпические песни играли огромную роль в создании монументального эпоса. В этих песнях выражался отклик на реальную действительность, на те или иные исторические события, происходящие в жизни народа [2, с. 56-57].

По мнению ученых, заложивших основу методологии изучения национального эпоса, произведения данного эпического жанра начали складываться в период разложения родоплеменного строя, в нем отражались мировоззрения людей их верования и познания [2, с. 28]. А некоторые же «образцы развитого эпоса непосредственно вырастают из архаического эпоса, как из первоначального ядра, путем постепенной трансформации, обработки произведений архаической эпики» [4, с. 67, 24]. В последнем исторические события переплетаются с мифологической фантастикой. Хотя обычно эпический герой изображается непомерно сильным физически, все же для достижения некоей цели ему помогают положительные мифические силы. Однако помощь приходит ему либо в ответ на добрый, милосердный поступок самого героя по отношению к этой силе (это может быть волшебный конь, старик или старуха и т. д.), либо после выполнения им определенных условий. Например, в башкирском народном эпосе «Урал-батыр» боевым спутником, другом и помощником героя является крылатый Акбузат, который был подарен ему прекрасной лебедь-птицей Хумай – дочерью самого царя Солнца:

*... Утка төшһә, янмаҫтай,
Һыуға төшһә, батмаҫтай,
Ел дә кыуып етмәҫтәй,
Таузан-таштан өркмәҫтәй,
Ир-егеттән бүтәнде
Үзенә тиң күрмәҫтәй;
Тунһә, тау-таш сорғотоп,
Саһһә, диңгез арырзай... [5, с. 109].*

... В огонь попадет – не сгорит,
В воде не утонет [он],
Ветру не даст угнаться за собой,
Не устрашится гор и скал,
Кроме храброго егета, никого
Равным не признает себе,
Ударит копытом – горы рассыплются в прах,
Поскачет – моря рассечет... [5, с. 318].

Таким даром – подарком хочет поделиться Хумай с Уралом, если он выполнит следующее:

*... Бәтә донъя кош төҫөн
Үз өҫтөндә бизгәгән
Бер кош эзләп таһһаң һин,
Шуны табып кайтһаң һин,
Минән ярзам күрерһен... [5, с. 108].*

... Если ты (Урал-батыр. – Н. Х., Г. Ю.)
птицу найдешь,
Которой нет в моей стране,
... Если найдешь ее и сюда привезешь,
Помощь получишь от меня [5, с. 318].

И сама Хумай обещает стать женой того батыра, который выполнит ряд ее условий:

...Бер зур майзан корайым

Батырлыгың һынайым,

Шунда даның күрәйем.

Буз атым бар йыракта,

Әсәм биргән бүләккә,

Майзаныма шул килер,

Батыр булһаң, ул белер.

Майзанымда буз атты

Кулыңа алып меналһаң,

Эйәренең кашынан

Булат кылдысын алаһаң,

Шундай батыр булалһаң, –

Бузым бүләк кылайым;

Атама әйтеп туй яһаң,

Үзеңә йәр булайым [5, с. 123].

... Я устрою большой майдан,

Испытаю богатырство твое (батыра – Н. Х., Ю. Г.),

Увижу, как прославишься там.

Есть белый конь (Акбузат – Н. Х., Ю. Г.) у меня вдалеке.

Подарила его мне мать,

Прискачет он на майдан,

Если ты батыр – узнает тебя,

Если сумеешь на майдане коня

Схватить и сесть на него верхом,

Снять с его седла

Булатный меч,

Если таким батыром окажешься ты,

Тогда Буза тебе подарю,

Попрошу отца свадьбу сыграть,

Стану возлюбленной твоей [5, с. 333-334].

Покорить крылатого Акбузата с «золотыми удилами в узде», с «ушами словно шило навостренными», с «грудью как у кречета», с «медью отливающимися как у зайца глазами», с «шеей, словно изогнувшейся змеи» оказалось под силу только защитнику добра и справедливости, человеколюбивому, честному и благородному батыру Уралу. Этих успехов не смог достичь его старший брат Шульген, потому что он был корыстолюбивым, завистливым и злобным человеком. Нарушив однажды отцовский запрет пить звериную кровь, он сошел на скользкую дорожку лжи и ненависти, из юноши с чистой душой превратился в эгоистичного персонажа, перейдя, таким образом, в лагерь отрицательных героев в системе образов эпоса. Это в особенности ярко проявляется в эпизоде, где еще никто не знает о его черных намерениях и желании во что бы то не стало отнять честь и славу у своего младшего брата Урал-батыра и жениться на прекрасной Хумай, и он задумал зло:

Урал батыр былай дан алһа,

«Атама данлы кайтһа,

Батыр булып макталыр,

Бар эштә лә өс булыр,

Минең һүззәр ас калыр», –

Тип, эсенән көнләшкән.

...Ул Уралды үлтереп,

Үзе данлы ир булып,

Һомайзы ла үзе алып;

...Дан алыузы уйлаган [5, с. 119].

Думал про себя:

«Если прославится Урал,

Вернется со славой к отцу,

Будет возвеличен как батыр,

Во всех делах верх возьмет,

Никто и слушать не станет меня», –

Так, завидуя, прикидывал он.

...Замыслил он брата убить,

Славу у батыра отнять,

Овладеть красавицей Хумай...

Славу себе добыть [5, с. 329].

В основе сформировавшейся формулы – тематического мотива «за выполненными условиями последует помощь» или «выполненное условие – помощь», возможно, лежат веками выработанные в художественном мышлении людей эпические традиции. Они, в свою очередь, основываются на народном морально-поучительном, нравственно-этическом, эстетическом законе, гласящем о необходимости ответить добром за добро, умении видеть и познавать гармонию в природе, ценить и уважать ее. В эпических традициях также сохранилась этнопедагогика, цементирующая вышесказанные нравственно-этические, дидактические принципы и идеи в образе батыра и тех его качеств, присущих настоящему мужчине-воину, истинному батыру, способному защитить свой народ и свою землю от злых духов в раннем эпосе и иноземных захватчиков в более поздней эпике.

Термин традиция, следовательно, понимаем в различном значении. В художественно-эстетическом разрезе под традициями мы подразумеваем народные обряды и обычаи, представляющие собой «словесно-поэтический акт, отображающий, с одной стороны, древние традиции, верования, а с другой – ... художественно-эстетические образцы народной поэзии», а также

их «мифологических, мировоззренческих основ» [6, с. 9]. Фольклорными традициями в тексте выступают мотивы, сюжеты, образы, которые устойчиво сохраняют поэтические, тематические, идейные установки, художественно-эстетические разновидности, являющиеся неотъемлемой частью необрядового фольклора – сказок, эпоса, легенд, преданий, песен, песен-легенд и т. д.

В изучении таких фольклорных традиций, как сюжет и мотив в отечественной фольклористике и литературоведении существуют различные направления. В частности, была предпринята попытка обобщить существующие в науке разновидности трактовок относительно этого вопроса: семантическая, морфологическая, тематическая, принцип системности мотива, дихотомическая теория мотива [7, с. 13]. У истоков семантического метода изучения мотивов стоял А. Н. Веселовский, который под мотивом понимал простейшую повествовательную единицу. По его верному мнению, сюжет разлагается на мотивы, и ему же (сюжету) принадлежит творческий акт объединения, собирания воедино мотивов, представляющих собой «неразложимые элементы сказки». При этом под неразложимостью мотивов ученый понимал его семантическую целостность, т. е. единство значений [2, с. 301; 8, с. 106]. Б. В. Томашевский, в отличие от А. Н. Веселовского и его последователей, дал мотиву тематическую трактовку, подразумевая под темой мотивы, являющиеся неразложимыми частями произведения [1, с. 137], что также разделял и Б. В. Шкловский. В изысканиях А. П. Скафтымова была предпринята попытка психологической трактовки мотива [9, 10], к которым можно было бы отнести популярные и кочующие тематические мотивы «любовного треугольника», «вещего сна», «добывания огня или солнца» и т. д.

В. Я. Пропп, как писал Б. Н. Путилов, указывал на разложимость мотива, именуемой им «функцией действующего лица», которой соответствует содержание термина «мотифема» (А. Дантес). По его мнению, функции действующего лица «представляют собой те составные части, которыми могут быть заменены “мотивы” Веселовского». В сказке эти функции тесно взаимодействуют друг с другом, «вытекают одна из другой, и все принадлежат одному и тому же стержню, хотя ни одна функция не исключает другую». Напротив, одни функции могут объединяться попарно («запрет» – «нарушение», «преследование» – «спасение» и т. д.), а другие – располагаться цепочкой («вредительство» – «призыв к помощи» – «решение героя противодействовать» – «отправка героя» и т. д.). Цепочка мотива «запрет» – «нарушение» может усложняться последствием «нарушения» «наказанием» («запрет» – «нарушение» – «наказание»). При этом мотивы все же остаются неразложимыми [11, с. 18, 29; 7, с. 14]. Продолжая цепочку мотивов «запрет» – «нарушение», можно указать на ее усложнение последствием «нарушения» «наказанием» («запрет» – «нарушение» – «наказание»). Например, в башкирском народном эпосе «Кузыйкурпес и Маян-хылу» герой нарушает запрет матери и пускается в путь на поиски нареченной невесты, в наказание не успевает достигнуть своих намерений и погибает. В эпическом сказании «Урал-батыр» Шульген нарушает запрет отца, выпивая кровь из ракушки. Это нарушение приводит героя в стан враждебных человеку сил [7, с. 14].

По мнению И. В. Силантьева, «функция действующего лица» главным образом углубила мотив в его семантической трактовке, где она (т. е. функция) является «обобщенным значением мотива, взятым в отвлечении от множества его фабульных вариантов» [12, с. 13]. О соответствии этим фабульным вариантам дихотомических (дуальных) мотивов писал А. И. Белецкий, когда два полярных начала связываются в единую систему в структуре мотива [13, с. 434-435].

О системности мотива писали А. П. Скафтымов, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп [10, 14, 15], согласно которым «все мотивы находятся между собой в одном конструктивном строе, тождественном с основным строем сюжета... Случайных, не связанных с основой сюжета мотивов нет» [14, с. 222]. Потому что мотивы являются логически расположенными кирпичиками в строительстве либо основного сюжета, либо минисюжетов, дополняющих тот же основной. Иногда их называют сюжетобразующими мотивами. К примеру, в башкирском народном эпосе «Урал-батыр» ключевыми сюжетобразующими мотивами являются мотивы борьбы, этиологические и космогонические мотивы и т. п. [7, с. 15]. Эпосу также не чужды мотивы, связанные со свадебным обрядом, а именно мотивом выбора жениха. Таким мотивом в эпосе «Урал-батыр», например, является мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком»:

Урал да рэт бозмаган,
 Баһыт торған ыңғайға;
 Батиша кызы, аралап,
 Бар егетте һайлаган,
 Араһынан окшарзай
 Бер егет тә тапмаган.
 Азак сиктә, якынлап,
 Уралға килеп еткән, ти,
 Туктап тороп шул ерзә
 Уралға күз теккән, ти;
 Кулына алып бер алма,
 Уға бүләк иткән, ти...

... «Батиша кызы һөйзө бит,
 Батиша кейәүе булды бит!» –
 Тип, барыһы шау килеп... [5, с. 74-75].

... Урал тоже строй не нарушал,
 Вместе с другими стоял.
 Дочь падишаха, проходя по рядам,
 Всех егетов (юношей – Н. Х., Г. Ю.) перебрала,
 Но среди них по душе
 Ни одного егета не нашла.
 Наконец, она к Уралу
 Приблизилась, говорят.
 Остановилась возле него,
 На Урала взглянула, говорят.
 Взяла в руку яблоко она,
 Подарила ему, говорят...

... «Дочь падишаха полюбила его,
 Он зятем падишаха стал!» –
 Закричали так, зашумели все... [5, с. 284-285].

И, действительно, батыр, пройдя все выпавшие на его долю испытания, соглашается жениться на царской дочери, которая и одарила его яблоком [16, с. 81]. В результате осуществления данного мотива, основная сюжетная линия пополняется новым микросюжетом и начинает развиваться в динамике.

Для более поздних работ характерен также переход от изолированного изучения мотива к описанию правил их сочетаемости и к освещению их отношения к целому (В. Я. Пропп, К. Леви-Стросс). Так, К. Леви-Стросс миф и сказку рассматривал с позиции «гиперструктурности», при которой мотив, сюжет рассматриваются с точки зрения лексики и грамматики [17, с. 31].

Как видим, при наличии многих взглядов и мнений относительно вопроса художественных традиций, а именно сюжета и мотива, следует отметить, что исследователи были единодушны в одном: все они фактически признают неразложимость, неделимость мотивов относительно основного сюжета, что, прежде всего, важно и для нас [7, с. 15].

Одним из популярных и часто встречаемых тематических мотивов среди прочего можно отметить мотив, связанный со сном, сновидением. Например, в киргизском народном эпосе «Манас» жене Якупа снится сон о скором рождении сына, о чем предвещает ей некий святой старик [18, с. 199, 24]. В башкирском народном творчестве известна бытовая сказка «Царь, полюбивший во сне, женившийся наяву», в которой царь во сне без ума влюбляется в прекрасную девушку, наяву теряет покой, велит своему визирю отправиться на ее поиски, который, в конечном счете, находит ее, и герой женится на возлюбленной [19, с. 160-161].

Мотив «Вещего сна» также характерен и для эстетики эпосотворчества. Так, в башкирском народном эпосе «Акхак-Кола» повествуется о том, как кобылица предсказывает судьбу жеребца Акхак-Колы по его увиденному сну:

Бөгәсә һин төш күрһәң,
 Көньяғалай шеш күрһәң,
 Шеш башында ут күрһәң, –
 Үз башыңа, карт кузак!
 Аззырган да һин булдың,
 Туззырган да һин булдың, –
 Үз башыңа, карт кузак! [20, с. 226].

Коль прошлой ночью ты видела сон,
 Коль вертел большой видела в нем,
 Коль с края был он охвачен огнем, –
 То на голову свою, старая кляча!
 Это ты нас сбילה с пути,
 Подговорила, принудив уйти,
 На свою голову, старая кляча! [21, с. 191].

Увиденный сон, да еще подкрепленный проклятием других лошадей в будущем сбывается, события далее разворачиваются в трагическом ключе и не в пользу Акхак-Колы.

Таким образом, в эпических памятниках сохранилось изображение сакральных обрядов и обычаев наших предков, живы знания о жизнеутверждающей силе, основанной на их мировосприятии, мировоззрении (в эпосе «Урал-батыр») устойчивы такие понятия, как за добро ответить добром, жить в гармонии с природой, которую надо сохранять и беречь), также тради-

ционные мотивы («за выполненными условиями последует помощь» или «выполненное условие – помощь», «вещего сна») и образ лошади нашли красочное изображение в эпосе «Акхак-Кола» – произведении о животных, которые более всего художественно отображают социально-бытовые основы башкир в старину.

Функциональность фольклорных традиций в башкирской литературе

Фольклорные традиции всегда были спутницами духовного обогащения людей, литературного творчества в т. ч. Рассмотренные выше художественные традиции также находят отражение в литературном произведении и выполняют не менее значимые идейно-художественные функции в соответствии с требованием эпохи. Так, создание различных рыцарских, романтических романов во всем мире представляют собой процесс перехода от фольклора, коллективного творчества, традиций волшебного-героического эпоса к индивидуальному творчеству. В них приветствуется сказочная экзотика и любовная романтика с обязательным мотивным атрибутом «любовного треугольника», как авантюрно-приключенческого элемента, а действия, побуждения к этим действиям, желания и стремления героя теперь уже соотносятся не с интересами народа, родной земли, как это было в героическом эпосе, а – с его личностным началом, потребностями, эмоциональными, душевными чувствами и переживаниями. Но художественность, романтическая возвышенность достигается благодаря мастерскому и уместному использованию фольклорных традиций.

Так, в знаменитой поэме Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» (1212), являющейся общим духовным достоянием народов Урало-Поволжья, на бессознательном уровне применяет мотив, связанный со сном, вещим сном, который вызывает устойчивую реминисценцию на фольклорный мотив сновидения. В поэме сюжетобразующий фольклорный мотив распадается на череду следующих мотивов: Йусуф видит необычный вещий сон с намеком на божество, сон, который в последствии осуществится и принесет всем радость и счастье; святой Якуп видит свой вещий сон с намеком на смерть (волк похищает одну из его 11 овец, под которым понимается гибель Йусуфа); неродная дочь Якуба Дина также видит сон о смерти Йусуфа; Малик, сын Дагира, видит сон, связанный с мирскими заботами и делами, т. е. с миром смертных (сон сулил ему богатство – купив задешево прекрасного раба, он сможет разбогатеть, продав его за дорого) и т. д. В решении судьбы главного героя в поэме, таким образом, художественно используется мотив «вещего сна». На этот мотив в произведении неизменно возлагается важная идейно-эстетическая нагрузка: на долю прекрасного Йусуфа выпадают испытания, которые он должен преодолеть и стать пророком в будущем [22, с. 25; 7, с. 56].

Современная башкирская проза часто включает в свое эпическое полотно мифологическое воззрение народа, его верования и сакральные знания. Образом, аккумулирующим их, к примеру, является образ волка, являющийся тотемным животным многих тюркских народов, башкир в т. ч. По древней этногенетической легенде волк – *буре* дал название башкирскому этнониму – *башкорт* – баш+корт (*баш* – главный, *корт* (*корт*) – волк на тюрк.). В легендах чаще всего волк обнаруживал лучшие земли для жизни народа (легенды «Откуда произошло слово «башкорт», «Откуда произошел башкорт», «Река Буреле», «Семь родов») или является демиургом, способствующим зарождению рода башкорт, выросшего до этнонима («Волчье племя»). Данное животное в особенности ярче всего отразилось в женской прозе современной башкирской литературы – в трилогии Г. М. Якуповой «Женщины», романе Т. Х. Гариповой «Буренушка».

На образ волка в романе Тансулпан Гариповой лежит значимая идейно-эстетическая нагрузка. Пойманная волчица по кличке Кукбуре (на русском языке означает «небесная волчица») живет в неволе во дворе Муратовых и активно переплетается с героями романа. Данная волчица является архетипическим образом и отсылает героев в прошлое героини Барсынбики-Фаузии, в роду которой данный хищник является тотемным животным, поэтому и отношение к нему иное, не враждебное. В произведении он до конца несет свое охранительное бремя и всегда присутствует рядом с продолжателем рода Иханбаем – сыном Барсынбики-Фаузии, и их судьбы как бы развиваются параллельно. Знания автора о тотемной силе образа волка, его сакральную семантику позволили ей проникнуться в природу этого мифического образа, на который в произведении возлагается важная художественно-эстетическая функция хранителя священного рода [23].

В трилогии Гульнур Якуповой «Женщины» также изображается тотемный священный волк. Его также подобрали в лесу, однако он все равно остается верен природе и стремится с нею слиться. Так же, как и пес, выросший в волчьей логове, желает жить среди людей, а не хищников. Все дело в том, что старик Ахмадин во время охоты забрал у волчицы ее щенка, а взамен оставил собачьего [24, с. 180]. Если о первом щенке сельчане знали больше, то о судьбе другого ничего не было известно. Но спустя время тот оставленный в лесу пес вернулся в деревню к людям. Как выяснилось, волчица щенка не только не обидела, но и вскормила его своим молоком, привила навыки хищника, другими словами, приняла его как своего родного. Конечно, песий щенок рос среди диких хищников и стал похож на своих новых сородичей. Однако не озлобился и не озверел, а вспомнил свой родной дом, двор и вернулся. В данном случае волчица предстает перед нами как истинная мать, которая заботится о чужом дитя. Даже в мире людей не всегда найдется человек, решившийся вот так вскормить и воспитать совершенно чужого ребенка. В данном случае, с одной стороны, волчица как оберег, культурный архетип является тотемом рода, с другой стороны, выполняет в произведении важную идейно-художественную, эстетическую функцию, которая заключается в олицетворении образа истинной матери как образец высокой нравственности, человечности и гуманности. В романе Г. Якуповой можно встретить немало подобных изображений мифологизированной фауны, а также фауны, которые придают произведению особый колорит самобытной этнической традиционной культуры башкир.

Помимо волка в романе Т. Гариповой изображается еще один образ, вызывающий устойчивую аллюзию на башкирский народный эпос. Это – корова, надо сказать, главный образ романа, названный «Буренушкой». Этот образ, как идея, лейтмотив проходит красной нитью по всему произведению, на которую нанизываются микросюжеты, герои, персонажи романа. Так, в башкирском народном творчестве известен эпос «Кунгыр-буга», в котором повествуется о том, как спустя годы потомок коровы бурого цвета, подарок-приданое героини Тандысы, уводит все стадо рогатого скота обратно на ее родину. Стадо пока шло вдоль по хребту Уральских гор проложило тропу. Тем самым эта корова осталась в памяти народа, который олицетворял ее как священную. Например, основателем многих тюркских племен считается *огуз – угез*, т. е. бык или корова. Так, согласно *шежере* (башкирская родословная, «генеалогическая летопись»), такие башкирские рода, как сольют, туркмен, тикэй своими корнями восходят к огузским племенам и т. д. [25, с. 103]. Дорога, проложенная коровой, идущей во главе стада, позже стала очень удобным, стратегическим путем для отхода от нападений извне или, наоборот, для противостояния врагу.

В романе «Буренушка», видимо, автором не зря был избран данный образ, как потомок той самой бурой коровы, и упоминается эта дорога башкир, благодаря которой они одерживали славные победы, защищая родную землю от иноземных захватчиков [23, с. 320]. Корова в романе олицетворяет собой символ благополучия, удачи – кот, а также женское начало как продолжателя и хранителя семьи, рода. С уходом этой удачи, может прийти несчастье. Героиня эпоса Тандыса, видимо, знала об этом, поэтому, несмотря уже на свой далеко не молодой возраст, пускается вдогонку за стадом и настигает его уже у себя на родине. В романе Т. Гариповой события разворачиваются более всего прозаично и трагично: в годы войны у семьи Гульбану, состоящую из трех детей и бабушки, отбирают недавно отелившуюся корову, якобы у отца, который в это время был на фронте, остался долг перед государством. После конфискации единственной кормилицы для семьи настали трудные времена. Автор сравнивает этот момент со смертью: «...в избе Насибуллиных воцарилась унылая тишина, какая устанавливается после выноса покойника, лишь сверчки наперебой свиристели за печью» [23, с. 13]. Такое сравнение в романе приводится неспроста, оно как бы подготавливает почву для более страшного события. Гульбану, желая восстановить справедливость и вернуть семейную собственность, пешком отправляется в районный центр. Однако ей не удается довершить начатое, потому что она встретила с волчьей стаей, которая и губит ее. Иными словами, утрата благополучия – кот в виде кормилицы и хранительницы, потомка священной коровы Кунгыр-буга, в дом, действительно, приходит горе. Именно поэтому при упоминании названия романа Т. Гариповой, на ум читателя, имеющего представление о башкирском народном творчестве, приходит сюжет известного эпоса.

Таким образом, если в средневековой башкирской литературе, в поэме «Кисса-и Йусуф» Кул-Гали важным в развитии сюжета являются традиционные мотивы «Вещего сна», то в современных романах Т. Гариповой и Г. Якуповой мифический образ волка наделяется глубоко сакральными и тотемными свойствами. В обоих произведениях на волка или точнее волчицу, как женского начала, продолжателя волчьего рода, возлагается важная идейно-эстетическая художественная функция, она как бы эксплицитно связана с образами женщин в романах, их судьбы, в какой то, степени даже складываются параллельно. Самый пожилой представитель своего рода Барсынбика-Фаузия, как старая волчица Кукбуре, цепляется за жизнь и старается передать свои знания и жизненный опыт своим внукам – продолжателям рода. Волчица же, вскормившая чужого детеныша – песьего щенка, олицетворяет женщину-мать, вообще, и мать Нурии, в частности, которая не избавилась от своего дитя, находящегося в утробе (не пошла на аборт), а проявила терпение пережить временные невзгоды, сложившиеся в отношениях с мужем, сберечь и родить свое родное дитя на свет [24, с. 5]. Данный образ – образ тотемного хищника играет решающую роль в завязке и развязке основного конфликта, придает сакральную окраску сюжету произведения.

Заключение

Таким образом, эпические традиции формировались, складывались в художественно-эстетическом мышлении веками, претворялись в эпических памятниках, отшлифовывались, передаваясь в эпосах из поколения в поколение, что также являлось традицией, обычаем. Таковыми являются эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «Акхак-Кола» и т. д. В последнем эпосе о животных традиционный мотив «Вещего сна» помогает развитию основной сюжетной линии, способствует зарождению конфликта и ее развязке. В идейно-эстетическом, идейно-тематическом смысле в них общечеловеческие нравственно-этические принципы переплетались с дидактическим, поучительным началом, заветом и мудростью древних. В этом заключается самобытность и этническое своеобразие башкирского эпоса.

Литературное же произведение, являясь плодом индивидуального творчества, часто обращается к фольклорным традициям – обрядам и обычаям, сюжетобразующим мотивам, образам, которые художественно трансформируются в произведении, подвергаясь авторской обработке в зависимости от замысла, идейно-тематического составляющего произведения; наделяются своеобразной художественно-эстетической функциональностью, заключающейся в зарождении, развитии, развязке конфликта, мотивы, в частности, дают толчок развитию новой сюжетной линии и т. д. В литературном творчестве всегда присутствует имплицитная или эксплицитная отсылка на мотив или сюжет народной сказки, эпоса, мифологического воззрения народа, что наблюдали в случае с романом Т. Гариповой «Буренушка», пронизанной идейно-эстетическим своеобразием эпоса «Кунгур-буга». В нем всегда есть намек на традиции устного народного творчества, что помогает раскрыть семантику изображаемого образа или природу развивающегося сюжета, что помогает иметь представление о самобытном духовном мире народа, его картине мира и мировоззрении. Так, раскрываются своеобразие и самобытность верований в силу, и значимость тотемного животного – волка в рассмотренных романах современной башкирской литературы. Известный из народных сказок традиционный мотив «Вещего сна» в средневековой поэме Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» также выполняет важную художественную функцию в развитии, как основного сюжета, так и микросюжетов, которые также служат обогащению и наращиванию первого. В этом выражается народность литературного произведения, его художественно-повествовательный уровень и мастерство писателя.

Литература

1. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. – Ленинград : Советский писатель, 1960. – 498 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Москва : Высшая школа, 1989. – 406 с.
3. Мэргэн К. Эпические памятники башкирского народа. – Уфа : Башкнигоиздат, 1961. – 388 с.
4. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – Москва : Наука, 1986. – 317 с.
5. Урал-батыр. Башкирский народный эпос / авт. исслед. А. С. Мирбадалева ; отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская. – Москва : Наука, 1977. – 518 с. – (Эпос народов СССР). (На башкирском и русс. яз.)

6. Султангареева Р. А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа : Гилем, 1998. – 243 с.
7. Хуббитдинова Н. А. Фольклор в башкирской литературе : художественно-эстетический аспект (XIII - начало XX века). – Уфа : Гилем, 2016. – 276 с.
8. Белов С. В. Статья А. Бема о традициях Пушкина в творчестве Достоевского // Русская литература XIX века. Вопросы сюжета и композиции / редкол. Г. В. Краснов (отв. ред.) и др. – Горький : ГГУ, 1972. – С. 106-107.
9. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских классиков. – Москва : Худ. лит.-ра, 1972. – 543 с.
10. Шкловский В. Б. О теории прозы. – Москва : Советский писатель, 1983. – 925 с.
11. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
12. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике : Очерк историографии. – Новосибирск : ИДМИ, 1999. – 104 с.
13. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы / под общ. ред. Н. К. Гудзия ; сост. и примеч. А. А. Гозенпуда. – Москва : Просвещение, 1964. – 483 с.
14. Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино / сост. М. Б. Ямпольский. – Москва : Наука, 1988. – С. 216-237.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
16. Хуббитдинова Н. А. Образ «яблоко» в фольклорном сознании (на материале башкирского народного творчества) // Филология и человек. – 2020. – № 1. – С. 79-83.
17. Леви-Стросс К. Структура и форма // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – Москва : Наука, 1985. – С. 9-34.
18. Манас : киргизский народный эпос. Кн. 1 / сост. и подг. текста Б. М. Юнусалиев и др. – Москва : Наука, 1984. – 544 с. (На кыргызском и русс. яз.)
19. Башкирское народное творчество : Сказки. Кн. 4 / сост., автор вступ. ст. А. М. Сулейманов. – Уфа : Башкирское народное творчество, 1981. – 398 с. (На башкирском яз.)
20. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / сост., автор вступ. ст. и коммент. М. М. Сагитов. – Уфа : Башкирское народное творчество, 1972. – 242 с. (На башкирском яз.)
21. Башкирское народное творчество : Эпос / сост. М. М. Сагитов. – Уфа : Башкирское народное творчество, 1987. – 541 с. (На русс. яз.)
22. Гали Кул. Сказание о Йусуфе / пер. с тюрк. С. Н. Иванова. – Казань : Татарское книжное издательство, 1985. – 232 с.
23. Гарипова Т. Х. Буренушка : роман-эпопея. – Уфа : Китап, 2009. – 696 с. (На башкирском яз.)
24. Якупова Г. М. Женщины : трилогия. – Уфа : Китап, 2013. – 728 с. (На башкирском яз.)
25. Сагитов М. М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса. – Уфа : Китап, 2009. – 280 с.

References

1. Tomashevskii B. V. *Pushkin i Frantsiya* [Pushkin and France]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1960, 498 p. (In Russ.)
2. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 406 p. (In Russ.)
3. Mergen K. *Epicheskie pamyatniki bashkirskogo naroda* [Epic monuments of the Bashkir people]. Ufa, Bashknigoizdat, 1961, 388 p. (In Russ.)
4. Meletinskii E. M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [An introduction to the historical poetics of epic and novel]. Moscow, Nauka, 1986, 317 p. (In Russ.)
5. *Ural-batyr. Bashkirskii narodnyi epos* [Ural-Batyr. Bashkir folk epic]. Avt. issled. A. S. Mirbadaleva; otv. red. N. V. Kidaish-Pokrovskaya. Moscow, Nauka, 1977, 518 p. (*Epos narodov SSSR* [Epic of USSR people]). (In Bashkir and Russ.)
6. Sultangareeva R. A. *Semeino-bytovoi obryadovyi fol'klor bashkirskogo naroda* [Family and household ritual folklore of the Bashkir people]. Ufa, Gilem, 1998, 243 p. (In Russ.)
7. Khubbitdinova N. A. *Fol'klor v bashkirskoi literature: khudozhestvenno-esteticheskii aspekt (XIII - nachalo XX veka)* [Folklore in Bashkir literature: artistic and aesthetic aspect (XIII - early XX century)]. Ufa, Gilem, 2016, 276 p. (In Russ.)

8. Belov S. V. *Stat'ya A. Bema o traditsiyakh Pushkina v tvorchestve Dostoevskogo* [Article by A. Bem about the traditions of Pushkin in the works of Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura XIX veka. Voprosy syuzheta i kompozitsii* [Russian literature of the XIX century. Story and composition questions]. Redkol. G. V. Krasnov (otv. red.) i dr. Gorky, GGU, 1972, pp. 106-107. (In Russ.)
9. Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh klassikov* [Moral searches of Russian classics]. Moscow, Hud. lit-ra, 1972, 543 p. (In Russ.)
10. Shklovskii V. B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1983, 925 p. (In Russ.)
11. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003, 464 p. (In Russ.)
12. Silant'ev I. V. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: Ocherk istoriografii* [The theory of motif in Russian literary criticism and folklore: An essay on historiography]. Novosibirsk, IDMI, 1999, 104 p. (In Russ.)
13. Beletskii A. I. *Izbrannye trudy po teorii literatury* [Selected works on the theory of literature]. Pod obshch. red. N. K. Gudziya; sost. i primech. A. A. Gozenpuda. Moscow, Prosveshchenie, 1964, 483 p. (In Russ.)
14. Freidenberg O. M. *Sistema literaturnogo syuzheta* [The system of literary plot]. In: *Montazh. Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino* [Montage. Literature. Art. Theater. Movie]. Sost. M. B. Yampol'skii. Moscow, Nauka, 1988, pp. 216-237. (In Russ.)
15. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of fairy tales]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1986, 364 p. (In Russ.)
16. Khubbitdinova N. A. *Obraz "yabloko" v fol'klornom soznanii (na materiale bashkirskogo narodnogo tvorchestva)* [The image of the "apple" in folklore consciousness (based on the material of the Bashkir folk art)]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2020, No. 1, pp. 79-83. (In Russ.)
17. Levi-Stross K. *Struktura i forma* [Structure and Form]. In: *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora* [Foreign Studies on the Semiotics of Folklore]. Sost. E. M. Meletinskii, S. Yu. Neklyudov. Moscow, Nauka, 1985, pp. 9-34. (In Russ.)
18. *Manas: kirgizskii narodnyi epos. Kn. 1* [Manas: Kyrgyz folk epic. Book 1]. Sost. i podg. teksta B. M. Yunusaliev i dr. Moscow, Nauka, 1984, 544 p. (In Kyrgyz and Russ.)
19. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Skazki. Kn. 4* [Bashkir folk art: Tales. Book 4]. Sost., avtor vstup. st. A. M. Suleimanov. Ufa, Bashknigoizdat, 1981, 398 p. (In Bashkir)
20. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. T. 1. Epos* [Bashkir folk art. Vol. 1. Epic]. Sost., avtor vstup. st. i komment. M. M. Sagitov. Ufa, Bashknigoizdat, 1972, 242 p. (In Bashkir)
21. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Epos* [Bashkir folk art: Epic]. Sost. M. M. Sagitov. Ufa, Bashknigoizdat, 1987, 541 p. (In Russ.)
22. Gali Kul. *Skazanie o Iusufe* [The Legend of Yusuf]. Per. s tyurk. S. N. Ivanova. Kazan, Tatknigoizdat, 1985, 232 p. (In Russ.)
23. Garipova T. Kh. *Burenushka: roman-epopeya* [Burenushka: epic novel]. Ufa, Kitap, 2009, 696 p. (In Bashkir)
24. Yakupova G. M. *Zhenshchiny: trilogiya* [Women: trilogy]. Ufa, Kitap, 2013, 728 p. (In Bashkir)
25. Sagitov M. M. *Mifologicheskie i istoricheskie osnovy bashkirskogo narodnogo eposa* [Mythological and historical foundations of the Bashkir folk epic]. Ufa, Kitap, 2009, 280 p. (In Bashkir)